

# НОВЫЕ СКАЗКИ ПРО СТАРУЮ ЛЮБОВЬ

В российский кинопрокат вышло сразу две неосказки: интернационально-деконструктивистский «Иван-дурак» и национально-патриотичный «Сказ о Федоте-стрельце». Здесь все, как и положено: девицы-красавицы, злодеи-лиходеи, суровые жизненные обстоятельства и находчивые добры-молодцы — иваны и федоты, которым, как в старые добрые времена, приходится делать выбор между добром и злом. Как обычно бывает в русских сказках, любовь имеет здесь важное значение. В этом по заданию «Коммерсанта-Стиля» и убедился АЛЕКСЕЙ КАРАХАН, побеседовав с режиссерами АЛЕКСАНДРОМ ДУЛАРАЙНОМ, СЕРГЕЕМ КОРЯГИНЫМ («Иван-дурак») и СЕРГЕЕМ ОВЧАРОВЫМ («Сказ о Федоте-стрельце»).



Сергей Овчаров утверждает, что его картина не сказка, а сказ — традиционный жанр Платонова и Зощенко

## Народное озорное представление

Фильм Сергея Овчарова «Сказ о Федоте-стрельце» — авторская интерпретация популярной юмористической поэмы Леонида Филатова. Сначала режиссеру предложили поставить спектакль на малой сцене БДТ, но этот проект не был реализован. Потом сам Леонид Филатов и ряд артистов предложили Овчарову сделать этот спектакль в Театре на Таганке. Но идеи «Сказа» увлекся продюсер Сергей Сельянов, и в результате получился художественный фильм. Федот-стрелец (актер Константин Воробьев) олицетворяет в картине русский народ, который живет под злым правителем (Андрей Мажов) и военачальником (Владимир Гостюхин). Как это принято в сказках, самодуры вовсе измываются над подчиненными, требуя от него «одать неизвестно что» или «отправить неизвестно куда». Но все бесмысленные задания проводником Федот выполняет, при этом он попадает на край света, откуда возвращается с выводком чужеземной заразы. Кстати, согласно киносюжету, зараза — это персонаж по имени То-чего-не-может-быть (ак-

тер Виктор Сухоруков) и его свита — терминаторы и крогеры. Впрочем, в финале народ, подстрекаемый иноземцами, избивается от кровожадных и устраивает очередную бучу. Последний план — многозначительная метафора: над свалкой встает Кремль, окруженный небоскребами.

— Почему вы решили экранизировать Федотского «Федота»? Вас привлекает эстетика лубка?

— Я не знаю, почему все считают, что я работаю в эстетике лубка. Лубок — это публицистика для народа, большая картинка с малюсенькой примитивной подписью, которую любой может прочесть. Но я работаю в стиле сказа, который является традиционным жанром Платонова и Зощенко. Традиция сказа предполагает, что рассказ идет от лица простого человека. Через призму его сознания — с юмором, привирая и переворачивая все с ног на голову, можно рассказывать обо всех исторических событиях. Маленький человек всегда говорит правду. И ему не нужно для этого быть политологом. У нас любой пьяница лучше рассуждает о политике, чем многие специалисты, поскольку на собственной шкуре ощущает все происходящее в стране.

— Как вы реагируете, когда ваш фильм называют новой русской сказкой для взрослых?

— Это и не сказка. Я же специально вынес в название фильма слово «сказ». Сказка — это волшебная история о волшебных событиях. А сказ намного ближе к охотничьим историям. Главный герой — Федот-стрелец, сам охотник, поэтому ему иногда и видятся разные странные птицы и события. Может быть, с ним и действительно все это случилось, а может быть, он просто любит что-то привирать или досочинить. Точнее было бы говорить о фольклорности фильма. В картине есть очень много русских, еврейских и даже американских



Между главными героями «Ивана-Дурака» возникли какие-то сложные чувства, которые не вписываются в традиционное представление о любви

фольклорных героев. Появляются посты из Японии, с Кавказа, из Шотландии, которые соответствуют фольклорным представлениям русского народа о далеких странах и их жителях. Персонажи голливудских фильмов и Хэллоуина также являются фольклорными, поскольку все эти робокеры и крогеры на самом деле — балаганные существа. И как бы мы ни дулись на то, что все они — продукт массовой культуры, они при этом еще и мифологические герои — из голливудских сказок.

— У вас получился очень красивый фильм. Долго работали над костюмами и декорациями?

— Натру мы снимали в Суздале, поэтому нам лишь немного пришлось достроить посад. А уже под Петербургом художник Павел Новиков построил декорации и интерьеры. Костюмы к фильму делала прекрасный художник Наталья Замахина. Они отличаются тем, что не крикливые, не яркие, не вычурные, не музейные, а очень приближенные к повседневной жизни, скромные и вальяжные. Но кстати, глав-



Федот-стрелец (Константин Воробьев), олицетворяющий русский народ, находится под гнетом правителей-самодуров

ное условие было — не отвлекать зрительское внимание от действия на разглядывание этнографических костюмов или невообразимых декораций. Наталье это сделать удалось.

— Что стало с ее работами после съемок? Будут ли они экспонироваться или украшать, как это принято, например, сегодня на Западе, интерьеры какого-нибудь кафе или отеля?

— Сейчас все эти костюмы хранятся на студии «Ленфильм». Думаю, что впоследствии они будут перешиваться и использоваться в других фильмах.

— В вашем фильме непривычно большое количество массовки. В последние годы с таким количеством людей уже почти никто не работает. Тяжело, да и объяснять все слишком долго приходится...

— Действительно, я долго объяснял массовке в Суздале, что ей нужно делать, куда идти. Но был очень удивлен, когда двести человек из первого раза сделали то, что от них требовалось. При этом все сработало как единый механизм. Я даже высказал им свое удивление.

А они попросили их не хвалить. Эти люди считают себя профессионалами своего дела, ведь в Суздале снималось более шестидесяти известных советских фильмов. «Мы еще дадим фору петербургским и московским артистам», — заявили мне они.

— Как вы решили, кому отдать главные роли?

— Мне не хотелось делать банальную сказочку с использованием штампов. Я хотел по-новому посмотреть на всех этих сказочных героев. И пригласил сниматься в фильме именно тех людей, кто мог мне в этом помочь. На роль Федота я пригласил молодого актера Константина Воробьева. Я долго за ним следил. И наконец смог его пригласить в свой фильм. Уверен, что независимо от реакции на «Сказ» у него теперь будет много интересных ролей. Андрея Мягкова на роль царя я пригласил потому, что он очень тонкий и интересный человек, в жизни напоминающий героев Достоевского.

— Какое значение в фильме отводится любовной линии?

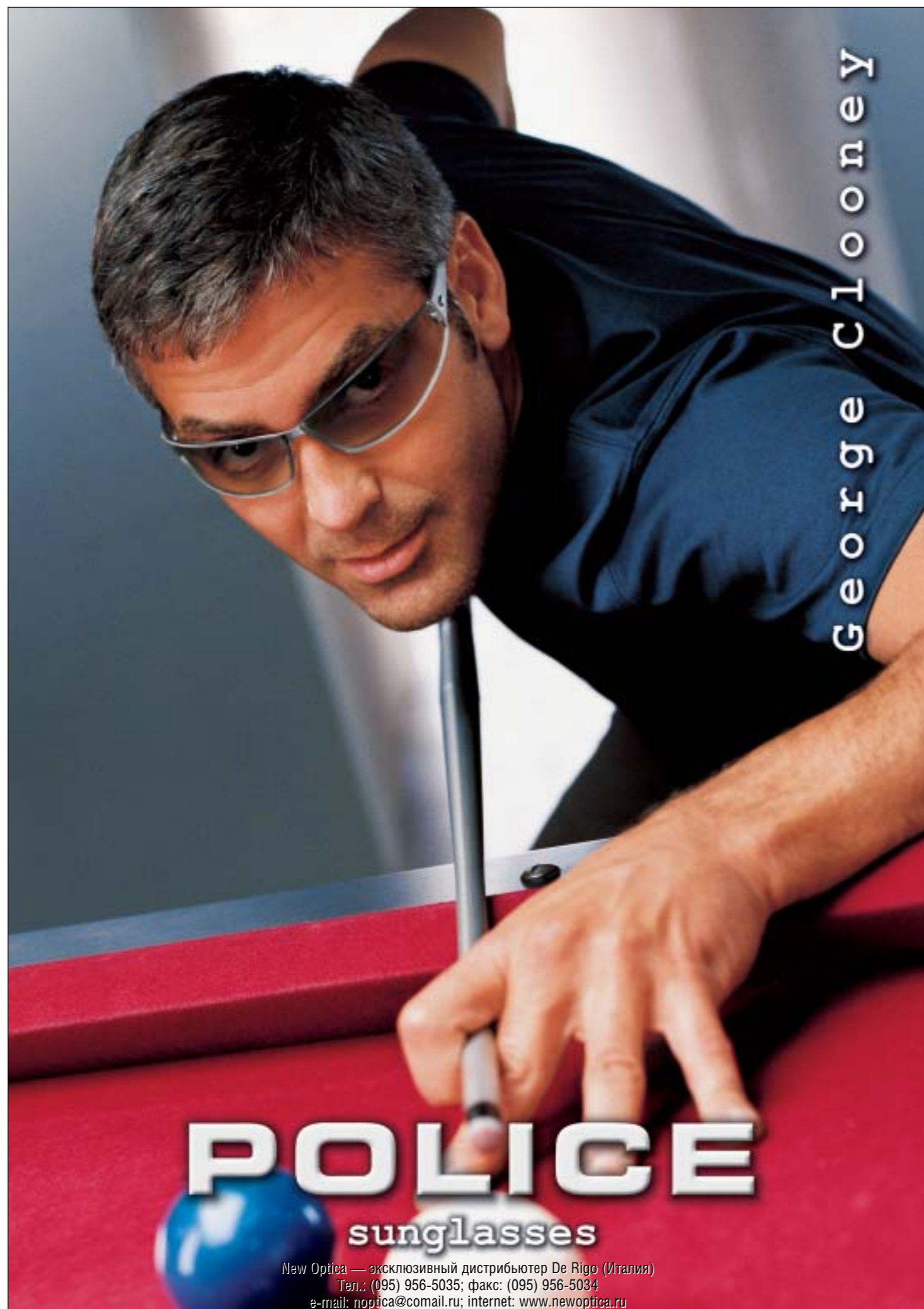
— У Филатова есть очень смешной сатирический персонаж Царевна, которая влюблена в Федота. Она выглядит смешной, несимпатичной дурнушкой, которую эта любовь облагораживает. Мне показалось, что Царевна все-таки очень трогательный персонаж, и я сделал ее почти положительным героем, в отличие даже от красавицы жены Федота, которая изображена в ироничном ключе. Но никаких эротических сцен в фильме нет. Есть только народное озорное представление, намеки на любовь.

— Когда я в 1989 году делал фильм «Оно», Ролан Быков предложил мне вариант любовной сцены, согласно которому он должен был прыгнуть на героиню, разрывая на ней одежду. Но я сказал, что уже видел десятки подобных «половых актов». И что такими эротическими сценами сейчас уже никого не удивишь. В результате мы сделали вид, что кое-что действительно будет, а на самом деле герой Быкова просто засыпал с книжкой в руках. И это получилось гораздо лучше — именно в

этом месте все смеялись. Кстати, в моих фильмах много эротических сцен, но я всегда стараюсь делать их смешными. Например, в «Барабане» акт показан самым натуральным образом. Но происшедшее скрыто под одеялом, а сама сцена вызывает смех. Вообще, многие интимные вещи, если наблюдать за ними со стороны, могут показаться смешными.

— Федот совершает подвиги ради любимой, но про их отношения практически ничего не говорится. Прямо как в русских сказках.

— Действительно, в русских сказках любовная тема, как правило, намечена, но не пропущена. Такой же кодекс долгое время существовал и в Голливуде, например, герои не должны были целоваться в кадре дольше трех секунд. Но своей прелестью старые голливудские мелодрамы от этого не теряли. Конечно, иногда удается снять прекрасные эротические сцены, но на самом деле существует уже столько вариаций, что придумать что-то новое практически невозможно.



## Взаимное приключение

Главный герой фильма «Иван-дурак» — худенький и румяный молодец Иван — возвращается из Москвы в родной город Запредельный и встречает девушку (Инна Колосова), которую ему предстоит спасти. Герой должен достать девушку с виртуального «дна», на которое ее помещает сумасшедший психиатр доктор Траус (Борис Юхананов) посредством откинутого провода в голову. Кроме психиатра за девушкой охотятся сектанты. Однажды мать Ивана (Нина Русланова) открывает ему тайну: его отец был не летчиком-испытателем, а инопланетянином, который в решающий момент и призывает к нему на помощь. К сказочной мифологии режиссеры Александр Дуларайн и Сергей Корягин (он также является исполнителем главной роли) добавили немного научной фантастики, инфернальности, киберпанковости, мелодраматизма, юмора, саспенса и много абсурда. Получился постмодернистский фильм, «фантастический кибермикс», новая сказка про любовь для нового поколения.

— Чем вас привлек формат сказки?

Александр Дуларайн: В строгом понимании наш фильм сказкой не является. Просто в основе лежат некоторые сказочные принципы. Сказка сочетает в себе то, что присуще жизни — развлеченность и метафизику, а мы и пытаемся ковенным образом рассказывать о жизни. Поэтому сказка оказалась здесь прекрасным предлогом и формой для подобного повествования.

Сергей Корягин: Все фильмы, которые мы делали с Сашей вместе или порознь, они все сказочные. У нас нет ни одного реалистичного фильма. «Иван-Дурак» не исключение. Наверное, это связано с нашим мировоззрением: мы всегда создаем некое вымышленное пространство, в котором совершенно неожиданным образом можно перемещать персонажей и где для этих перемещений и других условностей не требуется дополнительной психологической мотивации.

— Как вы думаете, будут ли в ближайшее время появляться другие «новые русские сказки для взрослых»?

С. К.: Точно будут. Не мы, так кто-нибудь другой будет снимать новые русские сказки по нашим следам. Эта тенденция уже наметилась. Достаточно посмотреть на то, сколько шума наделал этот фильм. Кто-то брызжет ядовитой слюной, а некоторый он, напротив, очень нравится.

— Как вам пришла идея совместить эстетику деконструктивизма и русского народного творчества?

С. К.: Сказка была для нас идеальной материей. Все герои сказок про Ивана-дурака всегда немного условны и очень выра-



Режиссеры Александр Дуларайн и Сергей Корягин считают фильм-сказку лучшей формой для рассказа о реальной жизни

зительны, они совершают не обычные бытовые поступки, а значительные, которые приводят к каким-то изменениям в целом царстве-государстве. Обращение со сказочными персонажами (а не с действующими лицами некоего сценария) и дало нам возможность выразить то, чего мы хотим. Не рассказывать про чувства, которые испытывают герои, а сосредоточиться на том, что происходит с персонажами в мире, в который мы их поместили. Нам очень нравилось создавать тот мир, где живут наши герои.

А. Д.: Просто для того, что мы хотели выразить, нам потребовались именно эти ингредиенты. Психологическая игра прекрасно выражает чувства, но не может выразить идеи. Условно говоря, если вы не хотите уподоблять какого-либо персонажа человеку, то вам надо искать другой тип его существования. Мне кажется, что наша картина напоминает героев фильма «Чужие». И она также «чужая» для обычного кинематографа.

— А что же все-таки выражает ваш фильм?

А. Д.: Любое кино — это не мертвый чертеж, не механизм и организм, который вырастает и в итоге выражает что-то другое или большее, чем было задумано. Другой мир, который мы создали, и является тем, что мы хотели выразить. Есть такой тип кайфа: пойти на голливудский блокбастер и восхищаться спецэффектами. А можно посмотреть что-то необычное и тоже получить удовольствие. Мы хотели сказать, что есть и что-то другое, непривычное, загадочное. Но мы не делали свой фильм для критиков, наоборот, нам хочется предложить этот другой тип удовольствия широкому зрителю.

— Почему вы решили не использовать в этом фильме сложные спецэффекты, костюмы, декорации?

А. Д.: Мы старались в установочных рамках сделать фильм

максимально зрелищным. Но с нашей стороны было бы наивно считать, что мы можем предлагать зрителям конкурентоспособный фильм-аттракцион. Для этого нужно было снимать другое кино в другой стране. И проблема не только в деньгах, но еще и в огромной системе профессионалов, которые могут создавать фильмы-аттракционы. Наша система создания спецэффектов уже практически развалилась и неимоверно устарела. Но, по-моему, кино светом не обязательно должно быть аттракционом — это просто одна из возможностей.

— Как возникает такое непохожие ни на что фильмы, миры, герои?

С. К.: Нет какой-то одной идеи — их целый клубок. Сначала мы писали сценарий, обсуждали, принимали те ходы, которые казались правильными, или отказывались от того, что не соответствовало нашему замыслу. Затем мы все прорисовали на картинках. Никакой особой задачи сделать все именно так не было. Мы просто делали все в соответствии с нашими принципами и взглядами. В результате вырос вот такой комикс.

А. Д.: Неверно говорить, что мы были аттракционом — это просто одна из возможностей.

— Почему кроме Нины Руслановой, в фильме нет «больших звезд»?

С. К.: Фильм делался командой: на большинство ролей мы нашли идеально подходящих людей из нашей компании. Но среди нас не нашлось исполнительницы для роли матери Ивана, и мы решили не экспериментировать и пригласили великолепную артистку Нину Русланову, которая вполне органично с нами работала. Также у нас снимался известный театральный и киноактер Сергей Чинишвили.

А. Д.: Кстати, есть еще один очень интересный момент. Большинство исполнителей — режиссеры. У нас играют Глеб Алейников, Борис Юхананов, Дмитрий Троицкий, Ольга Столповская, Инна Колосова... И для нас было важно, чтобы играли режиссеры.

— Вы можете охарактеризовать отношения между главными героями Иваном и девушкой — это и есть любовь?

С. К.: Мне кажется, что это не совсем точное слово. Между ними возникли какие-то сложные чувства, но они не вписываются в традиционное представление о любви. Любовь в кино — это в первую очередь мелодраматическое чувство, а наш фильм к мелодраме не имеет никакого отношения. Поэтому я бы охарактеризовал их отношения как взаимное приключение, в котором все-таки задействованы парень и девушка, и между ними, конечно, есть что-то, что можно назвать любовью.

А. Д.: У меня совершенно другое отношение к их чувствам, которое, конечно, является любовью. Любовь — это что-то загадочное, и из-за того, что в основе этого чувства лежит тайна, к нему и возникает такой интерес. А отношения Ивана с девушкой очень загадочные. Есть две точки зрения на любовь: кто-то считает, что ее ищут, и если находят, становятся счастливыми. Но, может быть, просто любовь кому-то дается, а кому-то и нет. Кому-то даны мускулы, кому-то мозг, а кому-то любовь. И если человеку она дана, значит, он ее обязательно найдет. И в этом есть некая фатальность. А наша история очень фатальная. Герой едет в Запредельный, и Ангел хранитель ему говорит: «Останься!» Но герой не слушается и едет дальше без Ангела-хранителя. В городе он попадает в лапы к «демонам» и практически погибает. Затем происходит чудо, и он спасается. Это история посвящения, а вместе с тем и любви, так как Иван проходит его по одной траектории вместе с девушкой. К тому же в конце они отравляются куда-то в неизведанное, может быть, это и является метафорой любви.

Вообще, огромный вопрос, как показать любовь в кино. Легче всего показывать любовь через поведение. В детстве я всегда считал, что, если он долго смотрит на нее, она на него, а потом вдруг начинает играть музыка — значит, они влюбились.